

Михаил Волохов

ПАЛАЧ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Притча сегодняшнего дня

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К о р о л ь

П а л а ч

Королевский дворец. Тронный зал. Король на троне.

Входит палач.

К о р о л ь. Пришёл. Спасибо, что пришёл.

П а л а ч. День добрый, Ваша Милость.

К о р о л ь. Идущие на Смерть - приветствуют тебя. Садись-садись - не кланяйся - садись.

П а л а ч. Спасибо, ноги еле дышат. *(Садится в кресло.)*

К о р о л ь. Последнее желание исполнили моё. За два часа до казни мне разрешили посидеть на троне и с палачом своим народным разрешили мне поговорить.

П а л а ч. Как всегда Вы правы, Ваше Преподобие, в истине своей.

К о р о л ь. Все истины родились в Боге. Мы на мгновенье озаряем их тленностью незрячею своей. Святой, убийца – всё от Бога. Палач, сейчас меня убьёт, чтоб просто я заткнулся. Я не святой - я только человек, который этим королевством правил сорок лет, и вдруг решил - что Всё познать возможно, нужно, что в Мире существует Истина, и эта Истина единая – в Народе, в слове Мы, в - Короне – что и есть Народ - Судьба.

П а л а ч. Прекрасные слова.

К о р о л ь. Речь – не печь, но обжигает. А съездил в Вену я к своей возлюбленной и дочке – расслабился шутя, отпустил поводья власти... Сам себя колесовал я взглядом романтичным в небеса.

П а л а ч. Романтика – святое дело. Легко вам будет умирать. Поверьте. С любовью в сердце и душе.

К о р о л ь. На каждой из ветвей креста в порочном этом круге колеса две выемки на расстоянье фута. Затем палач, вооружённый железным четырёхугольным ломом, наносит удары в часть члена между сочленением, которая как раз над выемкой лежит. У нас обычно операция кончается ударами в хребет через живот. Ты с двух ударов управляешься, боец. Потом кладёшь ты жертву на это колесо так чтоб пятки с задницей сходились или с головой, и небрежно очень нежно оставляешь умирать. И никогда уж Ахиллес не вставит черепахе – потому что его пятка здохла вместе с ним на плахе.

П а л а ч. Гуманной казнью убивать официально – чтоб пугать убийц потенциальных.

К о р о л ь. А через два часа, за волосы схватив, без правосудия покажешь ты толпе голову незрячую мою. Я даже кровь отхаркать не смогу в пасть брата родного, убийцы. Отхаркать кровь не смогу, что подступит к моей разрубленной глотке вместе с шейным позвоночником.

П а л а ч. Большое счастье так плевать, Господи ты мой, без правосудия. Вы ж Король – Вам полагается вести себя прилично на народе.

К о р о л ь. Лишь в лакунах не мышления человек преступник, брат. Когда ты можешь говорить, плевать можешь и налево, и направо - это, вроде, небольшое счастье плюнуть в гадостную цель. Но только вот, когда отрубят тебе голову, дружище, - это было бы прелестнейшим моментом поговорить хотя б с собой, хотя б секундочку одну, бесцельно, даже про себя.

П а л а ч. Я не знал такого катаклизма, чтоб мною срублённая голова да начала кудахтать, хотя б сама с собой, секунду, даже про себя - я бы всё заметил. Так нельзя. Но, если Вам желается изречь свободно нечто Богу и Вселенной этой Бога на века, то надо Истинное Слово Королевское изречь немножечко заранее Вашей несомненной головой пока ещё живой и говорящей!

К о р о л ь. Король пока живой! Я был дурной Король?

П а л а ч. Ну если Короля роль потеряли, как вахлак. За это только лишь одно - Вам голову и надо отрубить, - чтоб Королём Вы перестали точно быть, а стало быть и этим недочеловеком, что потерял-то Короля роль – Рока роль. Вы вдумайтесь, чего Вы потеряли. Кругом все труханули – Король у нас чурбак. Не знам кому роль короля сбазарил. А, стало быть и все мы в королевстве чурбаки под королем чудилой. Температура-то у Вас под мышками, поди, когда Вы не сопливите в простуде - у Вас там тридцать шесть и шесть?

К о р о л ь. Когда я не сопливлю - тридцать шесть и шесть. А что?

П а л а ч. Да то что Вы король чудака – телестностью здоровый значит абсолютно, но только кроме мозга головы. И кроме топора Вам мозг не вылечит никто. А я - так просто лекарь.

К о р о л ь. Августин заметил, но не определил, что такое Человек, и никто ещё. «Способ, с которым будут соединяться души с телами – весьма поразителен и решительно – это и есть тот самый человек». А если Августин назвал тело и душу – то, что связующее? Это только Дух. А когда тело умирает – Дух обобщения сплетается с Душой перевоплощения во имя правды Красоты и тайной жизни Братства. Мир внутри себя – Един. И правда лишь одна лежит в породе человека, как единицы этого единого мышления. И я не первый кто открыл, что Истина единая в народе. И Плотин говорил. Кузанский подтвердил. Я хотел лишь только подчеркнуть ответственность свою же короля – как интегральной суммы дифференциального народа. Вот брат мой – это точно сука - убийца и мясник эпикуреец. Всё только рвёт и мечет, а не собирает в купу. Я конечно тоже Романтизм не смог построить с помощью поэзии народа. Пусть брат теперь Феодализм замочит прозой раком.

П а л а ч. Платон изгнал поэтов всех из «Государства».

К о р о л ь. И книги рубишь топором?

П а л а ч. Приблизиться заставила работа к смыслу Бытия. Потом ещё я - Плач – палач – горькие солёные слезинки без числа, без горя и без радости венца, но с пониманием всё сделать до конца.

К о р о л ь. Слезы – есть вода. Вода – есть женщина, что заполняет Всё. А ты – ты Смерть моя, Кузьма – мужского рода - в Вечность холода и мрака погружающая Смерть.

П а л а ч. Сжальтесь, Ваша милость. Я, может, помогаю Смерти пару-тройку спичей написать. А так - я нет - не Смерть, по жизни, что Вы, право. Я только тридцать шесть и шесть. Мужского рода - правда. Но только чтоб стояло на шалав исключительного женского, трёхствольчатого рода.

К о р о л ь. Как я любил и не вульгарно этих вечно радостных шалав. Воспринимал их просто как родных. Мне для них не жалко было ничего. В них растворялся и освобождался для дальнейших дней. И не потому, что сладострастен и опасен. Я на них выкладывался

полностью, поверь. Я все им отдавал - всю душу и карман. А не так как говорят: «Что ты думаешь о ней – пусть о себе подумает сама». Извечно в каждом человеке существует проституция. Общевселенских масштабов понятие. Основной элемент цепляния жизни за жизнь. Игрушка не простая и падение не просто человека. Важно, чтобы искуплялся человек при общении с гулящей, устремлением не пошлым, а взаимно познавательно святым. Совокупление – начало искупления. Купина неопалимая – горит и не сгорает. Ну а Смерть такая сука – берет, а не дает. А ты, Кузьма, ее водитель. Можешь тормознуть, а можешь и на газ. Где зад – там кол. Где шея – там топор. Ты в жизни каялся когда?

П а л а ч. Да никогда. В упор, как мой топор.

К о р о л ь. Здоровый, стало быть, ты буйвол – тридцать шесть и шесть. И ты поверил брату моему, что я вахлак последний?

П а л а ч. Я верю одному лишь топору. Он у меня как зеркало блестит – все отражает в правде.

К о р о л ь. Ну, а там, когда другие головы тобою с телом разлученные, ни разу так не прошептали, в своём свободном падающем гневе окровавленном, пару объяснительных словечек окровавленных в твой адрес мэтра лезвию минусовой зазеркальной, рубящей связующую нить повествованья Человека на Земле?

П а л а ч. Да ну, во-первых, это плюс по результату – лезвие, что рубит – перпендикулярно падает на шейный позвонок. Это крест животворящий - правосудие – сложенья знак соборный. Ну, может, что они хотели объяснить, изречь и крикнуть даже что-нибудь торжественное нечто, - скорей, по поводу события-кончины - расставанья-разделенья тела человеческого гнилого своего, эти труповые головы, незнанием смердящие, и уже без тела, и без рук, без ног, без пяток, и ногтей не стриженных и грязных. Сомневаюсь, что трупешной – даже королевской головой, Вы какой шепнёте сокровенный месседж Миру на прощанье. Вот ноги если обрубить по бедра - там жизни будет в человеке полчаса, не больше - как кровь венозная вся вытечет из ног - так и каюк. Ну, руки, если обрубить по плечи - там жизни в человеке может быть и с час. Причина Смерти та же - излишняя потеря крови до конца и всей. А ежели вот головёнку рубануть, как Вам сейчас я сделаю-то вскоре - тут жизни с полсекунды - и не будет в человеке. Ну, Вы ж смотрели сколько казней-то моих. Большим любителем до казней были представлений – с глубокомысленно весёлым и внимающим взирающим лицом - с ухмылочкой приветною в мой адрес. Все я замечал. За что Вас и ценю великодушно. А может, Вам сейчас и повезёт - сердечный приступ раньше топора настанет в Вашем знатном случае по закону красной нити повествованья Истинного Рока на Земле. Взывайте к Небесам! Не запрещается взывать! Когда топор в моих руках взвивается под небо - сердечный приступ с человеком часто происходит, если человек встречает Смерть с открытыми глазами. Это Вы же разрешили тридцать лет назад приказом подписным по желанью жертвы не завязывать глаза на плахе – если очень хочется – Вам можно посмотреть и самому, как я Вам буду лично, истинно и чинно-перочинно, зряче, одарённо с плеч голову срубить.

К о р о л ь. Да там - смотри ты, не смотри – по шее не промажешь раз, два, три – надеюсь, скорая ты помощь?

П а л а ч. Всё правильно – я лично сам смотрю, когда рублю, но только чтобы точно уж не промахнуться сталелетейным телом топора по клиенту тела кровекосточкого мяса.

К о р о л ь. Смерть принимать дозволейте нам с открытыми глазами и свободно. Какие разговоры перед Последним Мёртвым Словом... вечной немоты и пустоты. Понятно, лысый чёрт с пушистеньким хвостом – ну а потом?

П а л а ч. Потом за Вас Всё будет сказано Молчанием – Величайшей Смирной Мерой Смеренного Смертью Бытия.

К о р о л ь. Но в Молчании меня тогда уже не будет, люди – оказалось - хер один на блюде. Иоанн Креститель на иконах держит сам на блюде голову свою. Показывая этим Человеческий Смысл Жизни – в Голове. Иск Смерти – это Жизнь – вот что на Истину похоже. Официальный приговор – хорош - измена королевству в том, что дочь моя крови не нашей вполнину. А мы сами знаем изначально, с чьих кровей втекли мы в эту реку Мертвечинной Жизни? И топором по шее. Мерзо-радикально! И все из-за того, что братьев нас двоих родители в любви родили, в счастье - но для Власти вышло что одной.

П а л а ч. Бессмысленно рыдать среди чертей над тем, что до сих пор людьми не стали люди. Люди – звери - если братья. Есть чего наследственно делить.

К о р о л ь. Звери – это ангелы – нет зла. Не надо обижать. Не выходят волки, что в законе, за флажки. Бес только сотворен во зле как ты – кровавой жаждет суеты. Поджать бы хвост такому своеволью. Дочь моя отрубит хвост брату моему, такому чёрту, двоечнику, неучу, когда ее на власть сюда воздвигнут те, кто помоложе будет брата лет на тридцать. А я сдыхаю, подыхаю. Но перед тем как в ящик головою приземлиться, надеюсь, что успею жизнью Смерти сладкой, вечной хоть немного насладиться.

П а л а ч. Вам, что – помедленнее голову снести?

К о р о л ь. Да хочется почувствовать мне Смерть не только полсекунды. Не зря ведь все отдал.

П а л а ч. Святые молвите Вы речи. Уважаю. Первый раз такое слышу. Королевский класс базара перед смертью.

К о р о л ь. Да и палач - король в базаре и не только над всеми королями.

П а л а ч. Профессии у нас коронно слитноэлитарные. Вы Божий круг в короне. Я её драконовские зубья, как бы по Кузанскому.

К о р о л ь. От вороны – воры в норы. Но, если разобраться - мозги-то срубишь вместе с головой, и относительно коробки черепной, мозги на месте будут и быстро сразу не умрут – протянется усладость Смерти моей, милый, для меня - на многие секундоочки ещё.

П а л а ч. Это гениально по мозгам, Ваше Садомазо Шизозабогемство. Всю жизнь в профессии я этой абсолютной, а этот основной момент садистнейше прелестный - зачатая изначалия отрубки головёнки топорёнком, сам не отмечал. Мозги, действительно, на месте остаются относительно коробки черепной, когда её коробку срубливаешь к бесу. Прекрасны повороты во вселенной по дороге разума и мысли откровенной. Вот это всем теперь я жертвам симпатичным буду говорить.

К о р о л ь. Но было бы, конечно, интереснее с тобой сейчас местами, мальчик, поменяться и голову твою на плахе для начала рубануть. Палача садизмом насладиться на закусочный салатик, чтобы самому уж основательно-сознательно вкусить садизм предельный жертвы отрубной, перед тем как самому стать жертвой оной.

П а л а ч. Ну этого в реальности нельзя - как можно – побожиться. Романтизм-с! Мечта – мечтой, а жизнь, когда упала - то пропала как в канаве.

К о р о л ь. Но, Ваше беспородие - в цивилизных, благородных странах, приговорённых к Смерти оставляют жить. Нередко палачами.

П а л а ч. Король – палач. И так мы рядом.

К о р о л ь. Став палачом - я как Король в идее не исчезну.

П а л а ч. Бродить в народе станет двоевластье. И беспредел задушит наши души. Хотя внимательно сейчас друг к другу люди стали относиться. А просто деньги брат Ваш по-другому стал платить.

К о р о л ь. Да и есть один палач хороший ты – заслуженный палач демократичный, всенародный мастер всех эпох связующая нить. Плюс сын твой подрастает династичный. До пенсии тебе спокойно надо дослужить. Так я ж не протестую. А нервы - в отпуск отдохнуть. Тебе б не помешало? Я б и на полставки согласился – почасовиком.

П а л а ч. Об отдыхе в моей профессии – забудь. Топор не отдыхает инвалютный – я уж что.

К о р о л ь. В мечтах ты сам-то хочешь, хотя б теоретически, голову свою сейчас на плаху для отрубки садистичной положить?

П а л а ч. Даже и теоретически не хочется.

К о р о л ь. Разочаровал. Кого держал я в палачах-то столько лет. Пока тебе, мой друг, башку не срубят, кайфовового садизма Высшего состава от своей профессии ты не ощутишь.

П а л а ч. Это мои слёзы, Ваша Милость. Хочу вот, но боюсь.

К о р о л ь. Трусишка, мой крольчатый зайчик?

П а л а ч. Ну, разве только если б в самом деле сами и сейчас Вы голову мою бы отрубили! В этот вот момент.

К о р о л ь. Топора сейчас здесь нет. И ты об этом, сука, знаешь.

П а л а ч. Ну я-то ведь не майский Вам жучара на березах для пацанского отлова.

К о р о л ь. За откровенность я тебя благодарю, жучок. Но ты топор хоть как-то там дезинфицируешь, надеюсь, перед каждой своей мастерской рубильней?

П а л а ч. Ну, я его точку и протираю тряпкой с маслом сливочным и постным – ну, а как же – я за топором слежу – как в зеркало в него гляжу, а иногда и зайчиков с ним солнечных пускаю. Без топора я, как без головы, не говоря, что, как без рук.

К о р о л ь. Короче - гигиены никакой. А бациллы СПИДа? Они что, сами сдохнут?

П а л а ч. На то и лезвиюка топора дана, чтоб Вас убить бацилла СПИДа раньше не смогла. Да, опыт худо-бедно есть - когда старанья б были, ум и честь.

К о р о л ь. В постели страшно умирать - не при толпе. Единственно, жара сегодня пляжная, чего-то манит отдохнуть. У моря лучше казни проводить. Да, прям, на корабле. А голову и тело, сразу рыбам в пасть. Мурены и акулы быстро поедят с костями в сласть. Это, друг, не черви, что в земле, которым надо гроб ещё прогрызть сначала до твоих мощей.

П а л а ч. С акулами казнить гигиенично, аппетитно и сметанно, Вам скажу.

К о р о л ь. Сметаны. Точно! Вот что мне - сметаны!!! Полцарства за сметаны белой, чистой, двести грамм - а потом уж к рыбам вкусным со сметаной в океан.

П а л а ч. Вам хочется сметанки? Ради Бога. Ща - в холодильничке - я ща Вам принесу.

К о р о л ь. Постой. А это хорошо сметанку перед этим? *(Проводит пальцем по горлу.)* Ну, может, там стошнит, хоть качки там и нет с морской болезнью там на эшафоте.

П а л а ч. Да, чёрт его, Ваш знает организм. Вы уверены в своём желудке сами? *(Показывает на голову.)*

К о р о л ь. Прости, не ведаю. Меня же раньше не казнили, вроде...

П а л а ч. Да, лучше бы сметанку - не того. Тем более и белая она. А то ж срублю Вам голову, а из глотки белая сметанка брызнет на народ вместо красной Вашей знатной и элитной крови. Не интеллигентно смерть Вас заберет, а как-то по-крестьянски - от сохи. Вам самому смотреть противно будет на это все – хоть и мертвой Вашей головой – какое там уж наслаждение смертью.

К о р о л ь. Пожалуй, истинно воркуешь, паразит.

П а л а ч. Об чём и речь. Из шеи вместо крови вдруг сметанка брызнет. Народ он сразу просечет, что мы решили с Вами сами посмеяться над народом. Народ закатит фарс такой, который Вашей памяти совсем не подфартит, в том священном смысле, чтобы дочка через годы взяла бы снова власть.

К о р о л ь. Всё, всё - сметанки не хочу. От нее уже меня воротит.

П а л а ч. Меня тошнит покруче от сметанки. Это мне б пришлось сметанку затыкать какой-нибудь тряпичей половой на Вашем горловище, из которого сметанка брызгать вдруг бы стала питерским фонтаном площадным.

К о р о л ь. Ну, всё замяли про сметанку мы из горла, Кузя, всё – замяли!
(Прокашливается.)

П а л а ч. Да я и заминаю, Повелитель, про сметанку, что из горла Вашего начнет хлестать сама.

К о р о л ь. Ты про сметанку, негодяй, из горла – слизи, глотни и замолчи. Окей?

П а л а ч. Ну, так я лижу, глотаю и уж давно молчу. Сметанки нет и не было в природе от племенной коровы очень вкусной никогда. Это человек потом из молока сметанку гонит под борщец и под те же, блин, блины и окуньки – не знает, что творит, хотя и даже с аппетитом кушает мурёночку проглот на корабле без эшафота.

К о р о л ь. Какой же ты, Кузьма, действительно садист невероятный, - шут гороховый, убийца площадной!.. (Смотрит на часы.) Мне жить ещё час сорок, Кузя, до того... (Кладёт на трон свою голову.) Руби, давай - руби – если есть желанье всё закончить сразу и в своей сметанке! Ну где ж твой солнечный топор?

П а л а ч. Топор на эшафоте - под охраной терпеливо ждёт.

К о р о л ь. И многие, как я, шизеют перед казнью?

П а л а ч. Шизеют все по-разному, но все. Да и я не часто к своим жертвам перед казнью прихожу. Уж больно что-то нервничают жертвы в наши переломные последние года. Передают свои волнения потом. А мне затем рубить еще их, а надо поточнее. Когда кого-нибудь там на костре поджечь - волненья не мешают. Но рубануть по шее надо в милли-милли-миллиметр между позвонков на этой самой шее. Вот тут – пощупайте – вот тут.
(Показывает Королю, где надо пощупать шею.)

К о р о л ь. Но может быть тебе тогда пойти сосредоточиться в тиши?

П а л а ч. Ну с Вами, мой Король, я отдыхаю. Продлеваю королевский кайф. Учусь у Вас подвижному мышлению. Я даже и мечтать не мог, что буду Короля когда-то вот любимого рубить. Тем более вот так душевно и поговорить смогу с ним перед самой казнью. Любых законников рубить – всегда сосредоточен классно, садистично. У Вас душа так просится

наружу, а тело так трепещет, но – взяточно послушно. Всю жизнь давал зарвавшимся-то душам волю я по Вашим-то приказам подписным. Теперь и сами Вы как Сад маркиз приветный, Ваше Перевашество, ко мне сюда явились под топор. Круговорот маркизов садов в природе садистических парадов королевских площадных.

К о р о л ь. Мне, видно, трон так надоел. Усталость материала, старость, беспредел и чувств, и мыслей, пытающихся объяснить безумье сексуальных чувств корыстных. (*С большим воодушевлением.*) Дорогой, многоуважаемый трон! Прощай мой милый... Тебя любил когда-то я прекрасно любовью на Неве. Когда сидел я на тебе – как на коне - все звезды мира били мы подковами под реющие флаги. И по звездному вселенскому велению мы старались править, жить, вершить - кого парашить, а кого топить. Мы убивали тех, кто жить нормально так не научился... Воевали - убивали полчища врагов отменного состава. Но, видит Бог - я не был кровожадным малым. И никогда за этот трон не резал я своих родных. Но Смерти от себя сверх благородной, королевской Смерти я так вот, видно, садистично возжелал, что сам себя вот этим мерзким я собою Королем (*трогает пальцем свой висок*) и убиваю. (*Пытается себя задушить руками, не удаётся, оседает на трон.*) И сколько же людей с твоих ладоней думать сладко прекратили, как горько не сдыхать?

П а л а ч. И вот никто же не сказал спасибо. И я их не считал, когда так точно, в миллиметр, по шее тут – меж этих позвонков – топором шарahal - на Вечность снаряжал.

К о р о л ь. Короли не Боги, палачи не черти. Все простые люди вместе на большой дороге.

П а л а ч. И всё-таки Вы были Королём. Да и умрёте тоже под короной. Во чреве матери своей уже Вы стали им. Ну а когда на свет Вы появились - первый сын - всё королевство в псалмах заорало: наш будущий Король родился в королевстве! Потом Вы правили, Вы были Королём, как знали все, что так оно и будет. Сейчас издержка рода – Вы немного тронно тронулись мозгами, младший брат Вас сдвинул и убьёт. Но всё же род Ваш был и есть, и будет править нашим королевством, хоть Вы тут перережьте во дворце семейственно семейно в жуткой крови ради Дум предельных суесловий. А я – палач – садист луценный - всю жизнь палач – взращен садизмом Вашим позлащенным. На деле Вы, кусочники, забыли, что есть единый запечённый хлеб, который плоть Христа, и Истина лишь только в нём одном – в Любви, которая прощает блуждания блудливые по мыслям второстепенным и слепым. Я сам не осуждаю тех, кого убить мне приказали в моей единственной, сердечной, доброй - вот в этой вместе с Вами жизни кровяной, общесосудной роковой. Мне надо просто завтра снова выходить на плаху и снова убивать не мной приговорённых, с маху. Просто чтоб семью свою, совсем все дорожающим, кормить. И деды, и отцы - и весь мой род – всегда и только палачи. И дети - тоже будут палачами. Мой сын уж десять лет мне точит топоры. Ваша Светлость - дети палачами. Каково?! И внуки, правнуки туда же - в серийные убийцы - на веки всех веков извечно бесконечных.

К о р о л ь. Святой. В отстой. Королю отдать приказ кого казнить ты думаешь полегче? Первый палач в государстве – Король. Поэтому я тронулся на троне. Местами хочешь поменяться, брат?

П а л а ч. Отдать другому роду эту честь - нести с кровями этот свой Животворящий Справедливость крест – рубить всех королевских мудаков во славу даже и ублюдочного права? Да просто никогда. Нам деды эту лямку завещали и отцы-жрецы. Мой сын получит этот клад-тернец по праву в лад-венеч на голову и славу.

К о р о л ь. Вот так и надо песню в государстве трезво пить. Не мешало б орденок тебе ещё на грудь отлить.

П а л а ч. Деньгами лучше. Орден мне – моя Судьба. А крыша потекла, там у путанки кровавая течь, бацилла где-то зачесалась. Не прячем деньги в печь. Вы мне платить не забывали хорошо.

К о р о л ь. Палач голодный - он совсем не страшный. Он бессмысленен тогда на роли палача.

П а л а ч. Бессмысленный палач - садизм для государства. Сплошняковый ад - не рай.

К о р о л ь. Рай изобличили, рай избивали. Брат стоял в истоках диссидентства по отношению к раю. Вот хочет, чтобы гульден Бога заменил и стал судьёй, инстанцией всевышней, с которой всё меняется и клинится в клещи. Шкурный, жиденский, евреечный хитризм материальный, в законе отрицанья отрицаний. Да и рай наш – прошлый Романтизм-садизм – сливаемы слова. Никто не мог пощупать и потрогать этот коммунизм - никто в очередях его не видел, садомолодца. А гульден можно подержать в руках, в штаны заправить, любую рожу подкупить. А накопил мильон ты гульденов родных – уже живёшь в отдельном коммунизме VIP, и без, действительно, садизма-коммунизма натурально в думах за других. И с интимнейшим садизмом эпохальным, от того, что прочие другие лично-садистично тебя по волчьим грохнут за локальный этот коммунизм в бабках личный твой. Забыли опыт Буратино - тоже деньги сеял на земле. Совсем же чуда всходов-то не вышло. Этот рост и ростовщичество не то – за счет кого-то, на халяву – под калашником курком. Где чистая идея коммунизма - человечества грядущего развития – объединенье Человека через искреннее Мы - как голова не нужная снимается. Вот что есть садизм капитализма меньшевизма.

П а л а ч. Сейчас убойно по мозгам давят этим гульденом бесчувственным и всё. Гульденизация страны. Гульден – он садист, но сам того не знает. Нам такой садизм не нужен. Мы поколение человеческого, сердечного садизма - псевдокоммунизма. Это точно. Какой садизм при коммунизме был – несбыточный, участливый садизм. Ты мне садизма, я – тебе, всегда и сколько хочешь. А сейчас какой-то этот мерзкий, склизкий через гульден, покупной, не искренний, рабовладельческий садизм.

К о р о л ь. Мы при коммунизме жили по порядку.

П а л а ч. Как в алфавитной азбуке баюкались.

К о р о л ь. Но буква-винтик там не обездолена была – на своём была посту.

П а л а ч. Шершавого болта запарить захотел, стучишь ты на соседа. Сосед в тюрьме. И в тот же день его жену по буквам икс и игрек в постели разлагаешь. Буквы икс горой зато стояли друг за другом, если вдруг кому хотелось не в ту дырочку порой – доносы точно очень грамотно строчили. Но грамотность росла, и крепчала вера.

К о р о л ь. Всё начало в маразм уж окончательный сливаться из-за этой распри нашей как креститься. Никто ж не думает, что, крестясь-то пальцами тремя – два ушли в ладонь. А если там двумя креститься – то три ушли в ладонь. Но целостность руки-то сохраняется.

П а л а ч. И целый прилетел Гагарин и сказал, что Бога нет – поэтому и тратить на вселенную, на эту пропасть в пушки в никуда стали больше денег до гола.

К о р о л ь. Вот казни разве что ещё объединяли.

П а л а ч. Это уж всегда. Развлеченье основное дорогое. Смерть ближнего с насильем – дает надежду как бы вечной жизни тем, кто остался жив и лицезрел законное убийство.

К о р о л ь. Мы – дети все Варравы – рвём и мечем, и воруем на куски. Один из двух разбойников не принял Веру на Голгофе. С кем остался он?

П а л а ч. С Варравой варваром, которого освободили.

К о р о л ь. А я с убийцами остался, садомазокоммунист. Не сослал же диссидентов доносителей в Сибирь, что бичевали всех иуды варвары мастей интеллигентных, взамен своей бездарности начитанно шальной. Удивительным всё же каким-то переменчивым еврейством умеют выводить себя интеллигенты из самобичеванья. А при следующей смене конституции опять из церкви выйдут, да и скажут, что не они меня сейчас рубали на куски. И брат не слушает Начальства в виде Истины вселенской Красоты и вечно молодого Творческого Духа, что этот Мир до Рая Воскрешает. Интеллигент, но он не понимает Головы в сознательной Короне - Меры всех духовных сущностных вещей. Он что, уйти от этой Меры размечтался в чисто поле гульденского голубого порева?

П а л а ч. С гульденом – садизм нечеловечий – до посиненья сизо-голубой.

К о р о л ь. И вот я вожжи отпустил, когда созрели времена... Я сам хотел испить высшей меры Пониманья - Истины-Стены. Чтоб дальше больше подниматься мыслью было бы куда. Ведь только Голова всегда есть Истина-Стена - наш настоящий Богочеловечий Высшей Меры Утешитель. И это - Факт Вселенской Красоты. Христос во Имя Человечьей Истины Воскрес из Страшного Садизма неграмотных людей - Земля чтоб стала, наконец, Всецентром Мироздания Всего.

П а л а ч. И это лишь одно Прекрасно, хоть, кажется, сначала Своевластно. Вы так мудры, Король – ну, выше всякой меры и стены какой - тем более там стенки, в смысле к стенке. Я – Кузя. Вы – Кузанский. Там *(показывает наверх)* всё же разбираются, кого за Истину здесь к стенке ставить на коронные шипы.

К о р о л ь. И ни одна же тля вельможная не возроптала, когда меня мой брат интригою от трона отстранил, а через час от жизни отсечёт. И было бы за что. За поэтические мысли.

П а л а ч. Вельможи - оборотни те, клопы-интеллигенты.

К о р о л ь. Народ, было, поднялся - да посадили сразу на кол вмиг особо буйнорьяных. Люд поutih. Сам, говоришь, сажал ты на кол этих молодцов?

П а л а ч. Служба, Ваша Милость. Не хотел, но должен.

К о р о л ь. Слышал стоны за окном.

П а л а ч. Приятно у меня стонали молодцы. С чувством, с толком, с расстановкой.

К о р о л ь. В не желаньи человеком стать видит человек божественные прелести свои. Посмотрим на людей теперь на свете адском том. А там, со временем - кого и сами встретим в зад на четвереньках пахом. Завидую твоей, без лицемерия, работе – всех на кол и с топором.

П а л а ч. На сакральной пашне пашем мы без двуерушия, папаша, но двумя руками – это точно. Если рублю, так рублю - по середине шейки, на две половинки. По договору найма, занятости, денег и закона-крыши.

К о р о л ь. Не работа у тебя в мясном отделе, а мечта – оно здесь самый рай - одно парное мясо - свежачок под королевской крышей. Житейская стабильность, одобрение народа. Масмедиа лишь только хвалят и не забывают.

П а л а ч. Хоть хавай тем же топором продукты нежной славы и стабилитета. Так возмечтаешься, бывалочь, на работе - какой необходимо непростой, воистину парной, общественный я труд на плахе для народа высекаю по середине шейки на две половинки - да каких породистых людей я рублю без лишнего рубля - просто наркотируешь, в натуре - и потом поэтому себя я уважаю и люблю. От этого немножко расслабляюсь. Поэтому по середине шейки можно даже промахнуться лезвиюкой с расслабухи-кайфеца такого глюка.

К о р о л ь. Промахнуться даже и совсем?

П а л а ч. Да нет. Совсем с моим искусством династическим мне промахнуться просто невозможно топором по цели в виде шеи. Но вместо середины шейки - по середине черепушки случайно звездануть-отметиться могу и рубануть немного, как бы вкось от цели, в смысле, шеи. Или по хребтине-середине там могу попасть. Ну, в какую сторону, смотря, от середины шейки ляжет лезвиюка топора, когда вдруг замечтаешься божественным нарциссом ты когда. Но труп - продукт конечный с человека – трупешный результат он всё равно отличный будет, этот свежий труп, общественно парной, как ты единолично там даже не мечтай. Ну, вот такая ерунда с промашкою по шее бывает, что случается - старею. Впадаю в детство что ль еще - ведь улетно же на плахе я мечтаю. А человеку, кстати, садистичней всё же, когда его ты мочишь по плечам иль там по черепушке, по мозгам - в мечтаньях если

золотых палач ты отрешился, как младенец в люльке, будто бы сосущий сладенькую соску с тёпленькой бутылочки в раю. А только что ему Гекуба - понимаете?

К о р о л ь. Я-то понимаю. Поймёт ли только, эти, уважаемый, умнейшие твои нирванские и отрешенные слова моя хребтина с черепушкой мозговой - это, брат, изволь.

П а л а ч. Да, по хребтине, если рубанёшь - трупешник с одного удара делается точно. Ну, разве что с задержкой жизни этой на секунду там какую - по сравнению с ударом по середке шеи там. То, что Вы хотите сами – Смерть вкусить не за мгновение – будет Вам сполна. Ну, а когда по середине черепушки этой мозговой топором засветишь - там Смерть красавица на трон вступает так же скоро-споро, как и когда ты по середке шейки точно долбанешь, будто утюгом упертую жену, как недотаракана сучьего менстрима. *(Достаёт из-за пазухи бутылку алкоголя.)* А сосочка на самом деле у меня такая. Вот тебе и Юрьев День, Платон, с пещерным пацифизмом. Пьём за середку шейки, Ваша Милость - за реальность чудо хрящика меж позвонками шейными. Зачем нам ад в раю. *(Пьёт.)* Хотите? *(Протягивает королю бутылку.)*

К о р о л ь. В раю – ад - самый рай. *(Пьёт.)*

П а л а ч. Да, с самого рожденья-пробужденья жизнь срублена за нас – чего переживать.

К о р о л ь. Ты всё же постарайся королю не бить по черепушке и плечам. Я понимаю, что садизма так побольше, но эстетизма в этом что-то всё же маловато. Посуди.

П а л а ч. Да ну, конечно же - какие разговоры - Ваше Распрекрасное Величество - не сомневайтесь - будете покойным очень эстетично садистично в тот же миг навечно гармонично через середку шейки на две королевских половинки - без интеллигентских этих нарциссовых мечтаний с моей совсем уж не Варравьиной сторонки - сосредоточенно, взыскательно, внимательно и очень основательно.

К о р о л ь. Спасибо.

П а л а ч. Всё благочинно будет - Вы почувете смертягу как родную матерную мать.

К о р о л ь. Но как я всё же счастлив был, когда мой брат родился в королевстве! И он был рад и счастлив - что старший брат всему его учил - стрелять из лука, пистолета, шпорить лошадей, ушпоривать девиц. Он так боялся в детстве девок - любимый всеми принц - извечный девственник - весь в комплексах развратник. Отец - Король Великий наш в гробу своём уже перевернулся сотни раз, когда узнал, что Короля, меня, кто до сих пор есть весь народ - его народом же брат младший и убьёт. И будто бы за то, что в ересь верю – в Рай, где нашел я адовскую Власть. Чтоб только самому ему главой убийственно незрячей стать у обезглавленного тела королевства. Такого активиста реалиста родил наш элитарный род. Что скажешь ты ему, когда тебя он спросит, о чём беседу вёл со мной ты перед казнью?

П а л а ч. Я думаю, ему плевать, о чём мы с Вами тут толкуем в ступе. Трон взят. Жизнь Ваша будет взята. Корона подойдёт. Чего ещё с Вас взять? Откровения крамольные за час до казни палачу - кому это мешает? Никому. Каждый по себе в капитализме. Базарить можно все,

когда все перестали мыслить. Мне разрешили говорить открыто, лишь только б Вы до казни были в королевской форме.

К о р о л ь. Как станет Королём – заставит всех в рай гульдена поверить под угрозой Смерти. Вот увидишь. Это как наш дед.

П а л а ч. Ну, а Вы – как Ваш отец – кто хочет верить в коммунизма рай – тот пусть голодный верит, что не верит в человеческий от этого на улице кругом садизм тоталитарный.

К о р о л ь. Три поколения людей меняют строй от члена к голове. Мы Выгнаны из Рая – это Правда. Мы съели лишь от Яблока – от Знания - кусок. Кус только сделали греховный из-за желудка суетливой голодухи. И рвём, и мечем всё на рваные, дырявые, Варравины куски. Но почему нельзя в рай верить, на Земле его создать - если в голове он есть! Тогда лишь знанье-яблоко в сохранности останется навеки. Выгнанные из Рая, влачим мы существование вне Слова, что вначале было. Бог – Слово. Имя ж произносим Бог – имя собирательное. Бог и есть - Сумма Бытия Интеллектуальная – Богатство Осознания Всего. Быть людям в Знании, или людьми не Быть.

П а л а ч. Это Вы смешной святой. Сейчас под гульденом богатым сознание истлело подчистую поразительно – все по своим углам всеобщее безверие клянут. Как мужику - скажу Вам откровенно – топор – единственный Учитель и Садомазоутешитель в нашем тутотшем заумственном замесе лабиринтном ада с раем под луной ночью голубой.

К о р о л ь. От топора почувствую реальную я боль, когда ты топором меня утетишь минусовым.

П а л а ч. Ну, малость самую вначале там боль какая, видно, будет - а куда деваться. Контакт металла с телом. Основа всех священных войн. Вы ж так хотите Смерть-то ощутить. Садизм.

К о р о л ь. Садизма Смерти я хочу, как коммунизма.

П а л а ч. Да надо просто Вам немножко потерпеть. Но это даже меньше боли, чем, скажем, вырвать зуб. Когда ведь вырывают зуб, то голова на месте остаётся, и живая, и болит на месте зуба нерв, оставшийся живой – и в голове живой, оставшейся при теле нервном, но живом, когда Вам вырывают этот зуб - тем более зуб Карла Маркса - мудрости злосчастной. Ну, а когда её-то - Вашей головы не будет – вернее, будет голова, но не на теле, а отдельно с телом будут мёртвы - та и то, насильственной Смертью объективной топора сражённой по Гамбургскому счёту - да - по Высочайшему и вечному разряду неба с нашей-то земли конечно человеческой, но в то же время с утешающим моментом топора, в смысле, с навсегда исчезновением Вашей жизни, а стало быть и разной боли всякой и любой для Вашего страждущего садомазохизма, в думах коммунизма, тела. Тогда Вы и достигнете счастья пределов как мученик, как стоик, как Христос герой. Хоть это Вам, надеюсь я - понятно?

К о р о л ь. Но утешенье - не родившись исчезает вместе с жизнью, при утешающем разрубе топора по высшему разряду – от неба до земли, где шея ждёт разрубки ещё с моей живую головой.

П а л а ч. Вот здесь и есть тот самый Ваш любимейший садизм – как коммунизм - когда топор один за всех и все ребята за один топор «Дубинушку» поют. Кто вообще топор придумал, чтоб головы рубить? Вы же - Короли. И палача Вы Короли создали. Топор при палаче, палач у Короля. Король тогда на троне.

К о р о л ь. Король под топором - когда не при короне.

П а л а ч. Бывает что и так. Как в Вашем грустном случае мы можем обнаружить этот простому неподвластный разуменью факт.

К о р о л ь. За добро я получаю зло.

П а л а ч. Добро что зло. Тут пара - всё едино в мире. А в этом золотая красота и середина – по ней проходит Бог. Греки - это знали за версту. Мораль бессмысленна по отношению к звёздам. Добро и зло не свойственны вселенной. Ад, рай – то не ее язык.

К о р о л ь. Тогда и утешение не нужно.

П а л а ч. Вы, люди, просите его.

К о р о л ь. А ты не просишь, Кузя, утешенья?

П а л а ч. Я только помогаю топору в великом деле торжества садизма-большевизма, когда не надо больше никакого коммунизма, чтоб жить как Короли, когда ты сам элементарнейший палач, исполнить утешающий удар бойцовский в отруб во труп по дебелизму.

К о р о л ь. Мир вновь и вновь рождается как Феникс - и всё кругом сжигается без Меры огалтело. И всё же будет для меня желательным добром, когда во имя сверхгуманного садизма - ты по серёдке шеи рубанёшь мне, железякой злой, а не по плечам невинным - моральная-сакральная слепая образина!!!

П а л а ч. Ну, что Вы так кричите - как будто щас я Вас уже действительно мочу. И оскорблять еще. Вот взяли моду без причины. В реальности я ошибаюсь крайне не по существу. Тем более с таким клиентом, как, вот, Вы - уж я сосредоточусь, не буду ж ставить крест я на своей карьере, как дерьмофродит. В ажуре будет всё - не хнычьте. Ну, просто, Вы как маленький ребёнок. Переведём материю живую Вашей стати старательно-скальпательно-внимательно в стадию достойную и рода королевского, и памяти народной, посредством расщепленья Вашей только шеи сметанисто-кровоавой между нужных позвоночков пополам, естественно – холодненьким металлом топора, но выводом души горячей-знойной, надеюсь, точно я туда Вас сплавлю, где райские открыты всякие там кущи, взгляды и просторы,- прямо к Богу на века, во всезнающую Вечность-бесконечность.

К о р о л ь. Но Пушкин ведь сказал - что счастья нет и Выше. Где там, к черту, Бог. Ни одна молитва не услышана.

П а л а ч. Пушкин был неправильный кудрявенький пацан.

К о р о л ь. В то время мало Пушкин знал – тогда ведь не было капитализма с коммунизмом – все люди были просто там обычными холопами, а мы все короли с царями были, типа, сами палачами.

П а л а ч. Из-за бугра идеи лицемерные берём. А семьдесят процентов католиков там - в Бога и не верует - статистика! Но разумно ходят в церковь, педантично. Поэтому у них миллионеры там могут и с собой покончить просто так. Энтропия Выживания без Веры затухает. А памятники там ставят - только объективным этим фигуральным топорам. Дантон-топор один чего там с Одеона стоит - Сталин гильотинный от Парижа, который сам же там и кончил гильотиной.

К о р о л ь. Отрадно лишь одно - что Моцарт топора мою прикончит участь. А было б у тебя образование типа Кембриджа ещё - ты был бы просто Олимпийским чемпионом по отсечке всех дурных неверующих голов.

П а л а ч. Судьбу гневить не надо тем, что быть не получилось, не смогло. Время и судьба играют в домино. Все цифры и пустоты спаяны в одно. Попарно - в знаке плюс. Горизонталь - не минус. А вертикаль - союз. Пуховой ни одной позиции в доме, в которой можно было бы забыться, провалиться, чтоб как-то что-то хоть по чувствам изменить, перевернуть во времени – плену.

К о р о л ь (*смотрит на часы*). Короче, знак сложенья через разделенье. Уж меньше часа у моей судьбы осталось пустоты, когда вдруг голова моя отскочит в деревянный ящик вниз - на академичном этом эшафоте, но по какому вот закону, теперь чего-то точно смутно неизвестно.

П а л а ч. По закону гравитации - и всё. Берите проще и яснее – как на самом деле жизнь течёт точнее. В земле была бы дырка - ушла бы голова на самый центр земли. Поэтому и ящик деревянный специальный есть на эшафоте. А то ж ещё в толпу отскочит Ваша голова - кто-то ведь сопрёт на сувенир. Народ проказник нынче, вор. Размножились внебрачники Варрав. И кровью бы ещё, без ящика, смазавила бы эшафот вчистую такая непутеха Ваша голова. А драить эшафот, там деревянный, от крови - это ж взбелениться. Конечно - деревянный ящик для голов, причём на эшафоте - какой-то грубый, гробовой намёк, тем более для предстоящей жертвы – Вас, конкретно. Один топор уж как пугает, а тут ещё и ящик этот деревянный для голов. Но некуда деваться от этой гравитации и всё. Потом же мне ещё за волосёнки головку Вашу надлежит поднять - явить на Божий Свет и людям заявить, и показать, что и на самом деле я Вам не понарошке чердачок отбил, чтоб взять аплодисменты. Я понимаю - горе. Но работа мною сделана на бис, и похлопать надо за этот Ваш общечеловеческий по истине садизм. А зачем пришли?

К о р о л ь. Короче, гений Склифасовский, я б хотел лишь только одного - чтоб голова моя не шлёпнулась там слишком больно о деревянный там какой сучок, что этот ящик деревянный эшафотный может у себя на дне хранить-маскировать. Не намереваюсь, понимаешь, я терпеть мучений лишних после казни. Хватит мне садизма от отрубки.

П а л а ч. Вы даже больше правы, чем для жизни нужно, Повелитель. Только это...

К о р о л ь. Что?

П а л а ч. Ну, Ваша, Сударь, извиняюсь, недотрога голова уж будет в царстве жизни Смерти и плену, когда какой сучок ей врежется в мордашку. Мученья после казни - Вы вдумайтесь в слова. Ведь я же Вашу голову до этого паденья на сучок срубую всё же, как ни как, совсем вчистую, профессионально.

К о р о л ь. Ты, мастер, срубишь - я не сомневаюсь. Но то, что больно или нет отрубленной тобой, скотина, голове там падать на сучок - позволь судить о том ты самому клиенту.

П а л а ч. У Смерти ж боли нет по отношению к Смерти - Вы чего. Ведь это ж аксиома и основа. Смерть относится спокойно к разной боли. На то она и Смерть. И в этом ее прелесть чисто пацифистская. Вы сами Смерти Жизнь просили мне продлить.

К о р о л ь. Жизнь - миг. Смерть - вечна. Миг - как Вечность. Вечность - миг. Жизнь - Смерть. А Смерть есть Жизнь. И умирает то зерно, которому обязаны мы Истинною Жизнью. Ну, хватит слов. Мы, русские - словам не верим. Там две ж секунды не пройдет, как голова моя, я верую, вполне ещё живая, о сучью деревяшку бабахнется своей всей жалкой мордой с носом напролом.

П а л а ч. Да, двух секунд не будет - ну никак!

К о р о л ь. Тем более, что двух секунд ещё не будет, сука!!! Ты, может, хочешь там ещё гвоздей набить стальных, в том ящике на скорбном эшафоте для людских отверженных голов, чтоб голове моей ещё больнее было биться, сволочь, там о гвозди?! Христа казнили более гуманно. Господи. Аминь. Товарищи родные, пощадите!

П а л а ч. Ну, я совсем, конечно, сумасшедший - буду ещё гвозди колотить, да себе по пальцам. Нет, ну, Вы, конечно, сами не туда попали языком, как молотком. Да приступ вон сердечный на чурбане ещё пораньше хватит Вас, чем этот выпирающий сучок. Ну да - башку мне не рубили самому - но я же ведь другим и множечко рубил. Опыт есть.

К о р о л ь. Тебе, садист, подушечку лень положить на дно лоханки этой деревянной, сучей, сука?!!!

П а л а ч. Ну, положу, ну, слово палача, Вы нервы только берегите - не орите. Вы что, уже жизнь Смерти не хотите длить?

К о р о л ь. Но не на таком же уровне наименнейшем садистнейшем, редиска! О, Господи, помилуй, что творят и говорят. И по бокам там стенок вдоль не пожалей подушечек ещё ты пару, тройку пары уложить, чтоб обеспечить безопасность понадежней, вкруговую. Ведь голова моя от нижней-то подушечки отскочит вдруг куда-нибудь там в бок, ударится об стенку - очень больно - открытой раночкой на шее и сквозной.

П а л а ч. По закону вероятности, конечно, все возможно. Земля, тем более, вращается и даже очень быстро, но мы не замечаем, когда мы на ногах.

К о р о л ь. Так вот поэтому, мой милый ты Коперник, не подписался я на эти лишние мученья после казни. Тем более, толпа не сможет всё равно садизмом насладиться с моею головой в том окаянном ящике, не будь предусмотрительных подушек.

П а л а ч. Вы денег для стеклянных ящиков под головы не дали в свое время нефтяное до горла. А я Вам предлагал. Да и сучков там тоже нету на стекле.

К о р о л ь. Пока ещё не все садисты в этом мире, Кузя.

П а л а ч. Ох, ну ладно, ладно - Вы правы как всегда. *(Смотрит на часы.)* И время, впрочем, тоже. Ну что? Пошел я за подушками тогда, на свой, вон, страх и риск - не по инструкции, а только по любви.

К о р о л ь. Да, погоди ты, не серчай, останься, Кузя – время еще терпит.

П а л а ч. Ну а подушечки?

К о р о л ь. Успеется, оставь. Послушай, Кузь, ну неужели же нельзя мне голову конечно снести вчистую и показать толпе за волосёнки, но в то же время чтоб на самом деле голова моя осталась при своих плечах?

П а л а ч. Ну, Вы уже совсем обмякли, Ваша Вашесть – как простой шизоидный чувак. Ну, это уж садизм совсем из области абсурда, Ваша Милость. Будьте реалистом – истинная казнь-то Короля на чертовом носу.

К о р о л ь. Ну что, я разве властью не делился с ним, Кузьма?!!!

П а л а ч. Чтоб с властью не прощаться - её нельзя делить!!!

К о р о л ь. Теперь уж мне понятно. Но что, нельзя меня ща просто пугануть, но голову мою не отрубать?! Ведь я уж не Король-дурак, осознаю, что Жизни Истину профукал подчистую. Еще что надо подлецам? Нет больше этой власти у меня мирской.

П а л а ч. Ну, приговор подписан, и народ собрался. Все ждут лишь только вашей головы отдельно от плечей. Народ – чтобы из Вас святого мученика со временем исполнить. Брат - чтоб решительность свою народу подзаконить. Все истинные цели таковы. *(Смотрит в окно.)* День солнечный – какая вон заря – а будто не было еще и сентября. Ну, всё идёт по разуменью естества. Чего тут против шерсти нервами скребсти?

К о р о л ь. Но Достоевского эФ. эМ. всё-таки пугнули, не стали вешать-то его.

П а л а ч. Ну, Федор-то Михайлович - какой был человек! И ремесла небесного какого прописного!

К о р о л ь. Ну, Федор-то Михайлович, конечно, был человек великий изначально и ремесла небесного письма на все века начальник-господин. Не нам с тобой, хотя и королям, чета. Но за меня сейчас бы он без лишних рассуждений, верю, заступился.

П а л а ч. На плахе в это верить хорошо.

К о р о л ь. Чем, кроме слов, ты можешь мне помочь?

П а л а ч. Могу перед обрубкой головы немножко Вас, конечно, придушить совсем вчистую.

К о р о л ь. Что?! Ты даёшь. Тебе ещё и придушить меня желается, Кузьма? Космический, чистейший ты садист.

П а л а ч. Но придушить не для того ведь, чтоб Вас поболее помучить, а напротив. Вы думаете, будет Вам легко держать напор сердцебиенья, когда топор в моих ладонях взринется под небо Высшего возмездья с нашей всей родной земли – с Вашего убийственного рода, а потом начнёт стремиться вниз к Вашей золотой середке шейки теплокровной, человеческой и набухшей в этот миг венозной этой кровью всей, что и инсульт элементарно можно сполучить. Хотите наложить в штаны и сдохнуть от дерьмового вонючего инсульта - Ваше право. Поэтому я Вам, мой дорогой Король любимый, истинный, сердечный - по дружбе и любви бесплатно предлагаю придушенье перед вознесеньем топора. Никто и не заметит, что Вы мёртвый будете разрублены на плахе.

К о р о л ь. Спасибо, что бесплатно. Ладно - ничего. Я как-нибудь без придушенья всё же обойдусь. Надеюсь, что не трус, хотя мандраж не слабый. Но всё-таки на казнь иду, а не на садо-мазо-живодёрню.

П а л а ч. Уже и трезво стали рассуждать. А то садизм, садизм – полцарства за сметану, за истинный, во истину, садизм! Увидеть Смерть мне дайте несколько мгновений! Кого сжигают - те просто миллионы золотом швыряют, чтоб я их придушил, чтоб заживо не печься кулебякой. Вам крупно повезло ещё по форме Вашей казни. Не четвертуют, не сажают на кол, песок глотать до смерти Вас не заставляют, или там - горящую смолу. А просто - чик-чирик – и нету королевской головы.

К о р о л ь. В чем-то и везёт зерну, что истлевают. Это мне тебя отправить надо было все же княжить на Востоке. А братишку в палачи, если не на плаху. Да ведь кто же знал, что сеять? Ведь ты же не палач, Кузьма - ведь ты же не палач по третьему-то глазу. Зри в три, а в оба не смотри, когда и в три-то ничегошеньки не видно!

П а л а ч. Бегу я за подушками для Вас?

К о р о л ь. Оставь безумство. Ну, придержи её ладошкой там эту голову несчастную мою за волосенки. Чтобы действительно не падала она, бедовая совсем, на это дно в сучках, в запекшейся крови смраднейшей от прежних экзекуций. Пощади.

П а л а ч. Ну что Вы говорите? Одной рукой держать за волосёнки Вашу головушку, а другой - рубить? Ну это уж совсем по-людоедски - относиться к человеку как к скотине или же к курам. Вы что, совсем рехнулись? *(Показывает пальцем на висок.)* Да ещё там вмажу Вам, как совсем не жаждете - по черепушке или по хребту. Одной рукой-то посложней работать. Да не разрублю Вас просто насмерть с одного удара, если по хребту, да и одной рукой. Народу, может, будет интересен этот садо-мазо-бешбармак, но ни Вам, ни мне уж - согласитесь.

К о р о л ь. Ну, что ж... руби тогда, как знаешь, как прочих остальных.

П а л а ч. Вот, наконец, мы и пришли к согласью убеждений, Господи Ты Мой.

К о р о л ь. И всё ж, когда за волосёнки ты голову мою поднимешь народу осветить, ты подуй на ранку снизу все же - обещай.

П а л а ч. Ну это не проблема – воздуха не жалко.

К о р о л ь. И даже в ящике потом - ты можешь тоже там подуть на раненную ранку, да и погладить нежно по головке там – не поленись - ведь ты такой всечеловеческий палач, позволю себе верить.

П а л а ч. Вот с этого и надо было начинать. А то садизм, подушки, нервы в горле - дидактика сплошная для меня. Лицезреть Живую Смерть Свою во всей красе – Вы будете по-королевски – ближе всех и как возможно дольше! На ранку ротиком подую - обещаю. И поглажу нежно по головке. Слово палача.

К о р о л ь.

Один венецианский Дож

Сказал Сеньоре: дашь или не дашь?

Сеньору охватила дрожь,

Переходящая в мандражь.

Дож был настойчив как стропила,

Шёл на Сеньору как таран,

Ему Сеньора уступила

И ей понравился тиран.

Была Эпоха Возрожденья -

Народ был гол и необут.

Но как меняешь убежденья

В тот миг, когда тебя дерут.

Топор – само блаженство, когда палач есть признак совершенства.

Изъяты все слова, моя ты голова. (*Обнимает палача, уходит.*)

П а л а ч. Будем живы - не помрем, а помрем - так все пойдем. Я только шею разрублю, но голову оставлю... поэту Королю. (*Уходит.*)

З а т е м н е н и е

Москва, 2001-2016